

Viktoria Pressman

Дальше, чем край земли

Путешествие в сердце

Viktoria Pressman

**Дальше, чем край земли.
Путешествие в сердце**

«Издательские решения»

Pressman V.

Дальше, чем край земли. Путешествие в сердце / V. Pressman —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832731-5

Это книга пилигрима. Книга о поисках пути, своего предназначения, об
обретении свободы, о древней дороге под звездами. О том измерении,
где происходят чудеса и стираются границы времени и пространства.
Апокалиптический нон-фикшн.

ISBN 978-5-44-832731-5

© Pressman V.
© Издательские решения

Содержание

CAMINO START	6
Дорога древних римлян	8
По Французскому Пути	13
Camino Continious	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Дальше, чем край земли Путешествие в сердце

Viktoría Pressman

© Viktoria Pressman, 2020

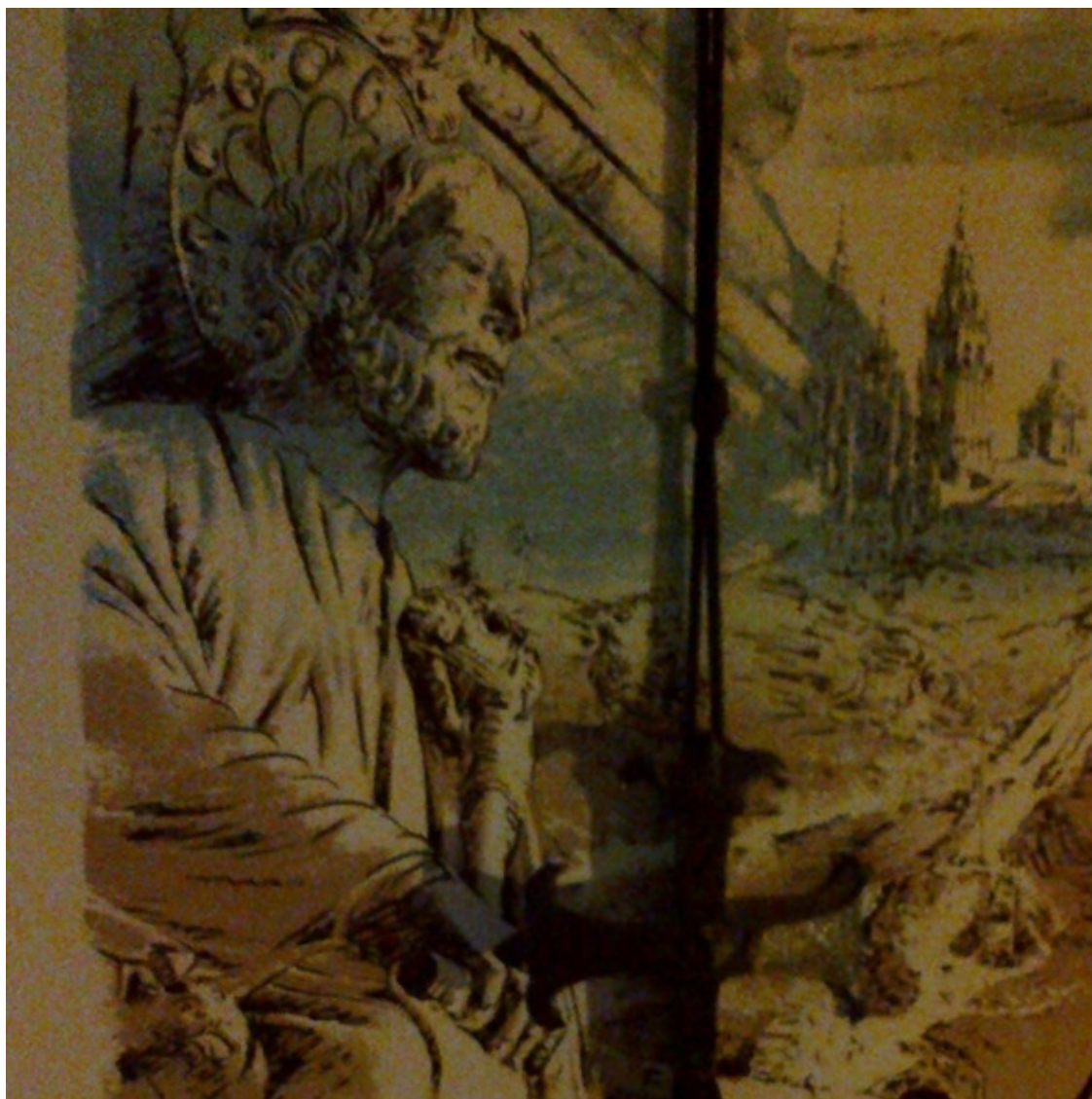
ISBN 978-5-4483-2731-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кто мы? Вестники, предвозвестники, свидетели последних времен, топчущиеся у закрытых врат Храма гроба господня в ожидании пасхальной литургии, которая не начнется? Кто мы, – застрявшие в междуречье, междустрочье, невидимки последних дорог, тайных прорезей истины..«Видевшие свет не-вечерний?, вошедшие дважды в одну реку... Мы, успевшие краешком сердца вкусить последние крупницы утекающей истины, ускользающей любви, искрящейся, слепящей глаза красоты вечного образа, который смотрит в сердечные очи, пробиваясь сквозь бреши, сквозь пустоты, сквозь груды мусора...

Мы передвигаемся потаенными тропками, не болтаем лишнего, корректируем линию судьбы, путаем следы, меняем лица, имена, пускаем пыль в глаза, иногда, запутывая других вдруг сами запутываемся, но Путь выводит нас на правильную дорогу, звезда указывает вектор, мы отрясаем с себя пену дней и паутину лжи, и двигаемся дальше.

CAMINO START

Если мне зададут банальный вопрос – как и почему я стала пилигримом, мне будет сложно на него ответить. Дорога сама нашла меня. Иногда вы не ведаете, что делаете и зачем, но вдруг приходит к вам предчувствие зари, предозарение.

Даже в самые темные периоды моей жизни меня вела моя звезда, и хоть я столько раз предавала свой Путь, мой Путь оставался мне верен.

Поэтому, когда я оказалась в Турине, и в туристическом центре мне, между прочим, сказали, что один из древних паломнических Путей начинается неподалеку, я приняла это как приглашение, как свой последний шанс стать по-настоящему свободной и счастливой.

Несмотря на то, что стоял прохладный ноябрь, я была абсолютно без экипировки и практически без денег, я откликнулась на зов Дороги и уже со всей отчетливостью почувствовала, что меня кто-то ведет.

А еще ведь, знаете, тогда, на острове каннибалов, я пообещала Богу, что если выживу, то уйду в монастырь. Потом один старец молился, чтобы мир отпустил меня. Прошло уже семь лет, я вроде как пока не ушла в монастырь, но мир явно меня отпустил, я ему этому миру не нужна... Я живу в каком-то ином измерении, а может, уже и не живу, может, я призрак,

рефаим или терапевт, умерший однажды и оживший для вечности. Граница с царством мертвых для меня стерта.

Когда-то пилигримы несли души своих предков по Пути Сантьяго, и там, в конце Пути, эти души обретали покой. На пути в Сантьяго де Компостелла они видели шествия духов с колокольчиками и зажженными свечами, процессия живых и мертвых двигалась под Млечным Путем в место, обозначенное звездой.

Дорога древних римлян

«Помнишь, когда ты входила в пустой город, на небе серпом молодая луна, на площади средневековой журчала вода, ты налила в кружку ледяной глоток, – вокруг ни души, горы дышат из темноты надвигающейся сыростью. Я встречал тебя, пилигрим, ты был не один, ты была не одна в том городе без людей. Иногда, правда, ты не искала Меня, ты искала окольных путей и просила бессмертия, готовая умчаться в беспросветную ночь со стаей волков или припасть к бурной златогривой реке в надежде обрести силу и вечную юность души, а еще ты просила кого-то в день солнцестояния, ты просила о доме, и вот, словно как на ладони, свершилось все, но затем обернулось ехидной. Ты в скитаньи опять, мой пилигрим, Я как и прежде встречаю тебя на пустых улицах старого городка где-то в Галлии. В дни великого Поста. Ты ведь знаешь, мой друг, наше сердце с тобой высоко в горах».

В горах, говорят, уже снег. Турин. Последний пункт перед восхождением, перед прыжком в пропасть. Назад дороги нет. Здесь, в Турине, проходит один из древних путей, первая римская дорога из Галлии в Испанию, Via Domitia. Кроме всего прочего неподалеку проходит путь Via Francigena, путь святого короля Сиджерики из Кентербери в Рим. Дорога Домития появилась еще до Рождества Христова, до мученической кончины апостола Иакова, задолго до бешеной популярности паломничества в Сантьяго де Компостелла, более чем за сто лет до распятия вниз головой апостола Петра и появления паломнического пути Via Francigena от Кентерберийского собора, где гробница Святого Ансельма к вечному граду Риму, к первоверховному апостолу.

Вот сейчас время королей. Сейчас мое время. Китайцы снаряжают меня в путь. На последние деньги я покупаю перчатки и кроссовки, пахнущие одинаково, а именно низкокачественным китайским дерьмом, созданным тысячами маленьких трудолюбивых ручек, – это вся моя экипировка.

«Обычный горожанин», похожий на пастора Шлага, наверняка профессор или просто нормальный интеллигентный житель Турина, рядом с которым чувствую себя неотесанной дурой, объясняет, как пройти к Туринской плащанице. От него я узнаю, что, оказывается, «Иоанн Креститель – покровитель Турина». Иоанн Креститель, первый пустынный, открывший тайну покаяния. Ну а потом в путь. Язык Божий – селентум. Поздним вечером автобус привозит меня в Суса (Валле ди Суса), откуда я намереваюсь начать свое пешее паломничество по стопам древних пилигримов. Так мне сказали в туристическом центре в Турине. И я согласилась.

Надо всегда искать собор, духовный центр, горящее сердце, а все остальное будет логически достраиваться до полной картины. У врат Сан Джусто, собора 1068 года под солнечными часами меня благословляет католический священник. «Аугури». Да, когда-то дороги разветвились, 1054 год, когда официально католики и православные пошли разными путями в Царство Троицы. Тайная, сокрытая от глаз заезжих поверхностных туристов Европа, древние дороги, все еще хранящие следы посвященных и связь с традицией, когда жизнь была наполнена сакральным смыслом. Дороги, которые затягивают вас в свое измерение и открывают пути обретения древней силы и мудрости, неподвластной времени. Млечный Путь освящает дорогу, идущую далеко за пределы времени и за границы жизни, доступной нашему рациональному познанию. Пока вертится Земля, пусть сверкают дороги, пока еще есть живая вода, пусть гудят небеса.

Шпион, которого завербовали, никогда не сможет вернуться назад. Я – шпион, я ведаю тайны, и даже молчание не позволит мне вернуться назад. Хотя нам, обреченным на одиночество, все равно до конца никто не поверит, и до конца никому не суждено будет услышать и понять тайну, ненароком слетевшую с пьяных губ.

Я выбираю срединный путь, истина-жизнь, hidden track, тело – дух, небо – гроза, солнце – земля, спрячусь в лесах сердца. Огонь осветит изнутри, подскажет вектор. Пограничный пилигрим. Евразия. Лилии, блаженство нищих. И где-то пропадает время, там, где проходит третий путь.

Первая ночь. Я в дороге, уже на ней. В темноте прорисовываются вершины Альпийских предгорий, горы дышат из темноты, я чувствую волны их дыхания. Где-то внизу шумит горная река, моя La Durance, моя выносливость. Все последующие дни я так или иначе иду вдоль этой реки, пересекаюсь с ней, она как будто мой покровитель. Прости, о Матре мио, за выпады случайных снов, за древний огонь, который горит в дремучих непроходимых лесах моего сердца. И я чувствую силу, древнюю забытую силу, а еще я чувствую, что меня кто-то ведет, и что у меня появился новый ангел спутник-хранитель. Первую ночь сплю в кузове грузовика, до этого, осушив бутылку вина над пропастью с шумящей рекой. Наутро нахожу в горах источник чистой альпийской воды, завтракаю подзамерзшими сахарными, истекающими соком плодами хурмы, по пути срываю яблоки, позже, поднявшись уже довольно высоко, собираю каштаны и ем их. Они и сырые вполне съедобны. Оставляю немного про запас. Вижу оленей, орлов. Солнце припекает. Каштаны, хурма и родниковая вода.

Двигаюсь по направлению к Франции по маркировке в виде желтого треугольника, иногда желтого пилигрима с посохом и рюкзаком. Когда солнце садится, становится холодно. Холодает еще и по причине набора высоты. Вторую ночь провожу в лесу у тропы, жарю каштаны, греюсь, в огне сгорает моя кофта, из темноты доносятся шорохи и похрюкивания. Светит Луна и звезды. Под утро становится невыносимо холодно. В пять утра я уже на тропе. В предрассветных сумерках приближаюсь к Экзилью. Прохожу мимо древней церкви, наверное, XI—XII века, с каменными изображениями распятого вниз головой Петра, высеченными на камне стрелами, указывающими направление, ну и, конечно, ракушками и крестом с мечом на конце – символами Сантьяго. Некоторые символы мне непонятны. Пока не понятны... Что-то напоминающее гусиную лапку, трезубец Нептуна, дохристианские символы, принесенные друидами или людьми моря, людьми затонувшей Атлантиды...

Поднимаясь в горы, прохожу первого оракула и на третьем повороте нахожу свой посох. Дорога проходит мимо горного хутора – людей нигде нет, так как не сезон. Я брожу по открытой территории, вижу черепа животных над входами в дом, старые горные лыжи. Благодаря полной тишине и отсутствию людей, альпийские городки напоминают театральную декорацию.

Дорога прорастает в сердце, как и белые вершины Альп – зима, осень, весна – все здесь и сразу. Олени, горностаи, белки, птицы – все придут ко мне. Жгу костер в маленькой каменной пещере и кипячу альпийский снег. Вдруг заглядывает ко мне на огонек белый горностаи. Любопытное создание, лишенное страха, порожденного каиновой цивилизацией. Разглядывает меня и уходит.

Когдаходишь в град, старый город, обязательно надо найти собор и зайти в него, обойти его вокруг, при наличии крепости зайти в нее. В любом случае надо войти и выйти, и это метафизика дороги: поймать вибрацию времени и духа, получить еще один штамп в небесном паспорте.

Вночи забираюсь по извилистой тропе в крепость, иду по навесному мосту, дохожу до врат, стучусь, в окне появляется глаз привратника... «Кого, черт возьми, занесло в такое время года и ночи?»

«Это я, фрейлина ветра...»

«Да-да, сударыня». Скрип дерева и железа. Я внутри. Город спит. Все похоже на театральную декорацию. Луна освещает дрожащие тонкие стебли цветов. Все ставни закрыты. Ветер открывает дверь церкви на площади с журчащей водой. Во всех старинных альпийских городках на главной площади есть источники журчащей чистой воды с висящим на цепи кувшином – можно пополнить запасы пресной воды и снова в путь. Много ли надо человеку для поддержания живота? Кувшин чистой альпийской воды, хлеб, сыр и немного вина. Дорога приведет вас к источнику живой воды. Вхожу в церковь, ветер открывает двери. Тишина, ни души. Иду к кресту. Всегда надо идти к кресту.

Минус пятнадцать – я уже высоко, самая трудная ночь – под елью, накрывшись еловыми ветками в легком летнем спальнике. Под утро снова в путь. Значок желтого треугольника указывает дорогу. Когда сбиваюсь с пути – это в интересах дороги. Потеряв тропу, по колено в сугробах иду по направлению к снежному пику. Нахожу сколоченный треугольный домик, обитый войлоком, высоко в соснах, у подножия Монтженевро, у границы с Францией. Похоже, что домик, напоминающий скворечник, сколотили скауты, а потом уже его периодически использовали такие случайные бродяги, как я. В домик залезаешь по деревянной лесенке, прибитой к дереву. В доме карты, несгоревшие свечки, внизу чьи-то старые вещи, мангал. Разбросанные черепа животных, карта джокера. Я решаю остаться на несколько дней, чтобы вылечить больное горло. Провожу волшебные ночи на берегу моей реки – La Durance. Тлеют угольки в мангале, я танцую под яркими звездами. Нахожу в снегу замерзшие маслята, варю суп из грибов, делаю чай из синего горького мха.

Случайно в огне сгорают мои китайские кроссовки, когда я пытаюсь их просушить. Внутренний голос говорит мне, что надо утром идти на другую сторону бурной реки. В сгоревших кроссовках, по колено в сугробах я ползу на другую сторону, с трудом нахожу переправу. Вижу трейлеры, прицепы – никого нет. Ноябрь – еще и уже не сезон. В одном трейлере открыто окошко. Я, не раздумывая, пролезаю в это окошко и первое, что я вижу, – это новые трекинговые ботинки моего размера, стоящие посередине трейлера. Я беру еще медикаменты, кофе, бутылку рома и спальник мешок. Переодеваюсь в чью-то чистую майку и толстовку, оставляю свое грязное шмотье под трейлером и благополучно возвращаюсь в лагерь. Все в интересах дороги. В последнюю ночь приходят волки, и я рада, что я высоко.

Вперед. Дорога зовет. Снег по колени, несмотря на новые ботинки, ноги насквозь промокли. Я уперто иду по маркировке, через горы. Подъем круто вверх, скользко, мокро, под снегом скрываются пустоты. Чуть не падаю несколько раз, разбиваю замерзшие колени, отвесная гора, остервенело хватаюсь за деревья и кусты. Тропа все круче вверх, ползти почти что невозможно. Я кричу в пустоту, все тело трясется от перенапряжения и холода. В сердцах я кидаю свой рюкзак в пропасть к чертям. Потом на мгновение понимаю, что внизу река, в рюкзаке документы, карточки, ноутбук и другие нужные вещи. Успеваю вознести молитву, чтобы рюкзак мой нашелся и не угодил в реку. Кубарем спускаюсь вниз. И, о чудо, в нескольких метрах от реки нахожу рюкзак, который зацепился за дерево... Вся одежда на мне мокрая. Терпение на пределе. Моя La Durance – моя выносливость. Снимаю обувь, захожу в ледяную бурную реку, мне становится легче, усталость и судороги немного стихают. Пью ром. Возвращаюсь на проезжую дорогу и иду по ней. В обход, до границы с Францией. Самое трудное позади. Переодеваюсь, ночую в подвале церквочки Святого Спевсиппа.

На следующий день дорога приводит меня к небольшому лыжному курорту. Сезон только начался. Вид у меня странный. На лыжника я явно не похожа, иду вдоль лыжной трассы со своим огромным рюкзаком. В деревне покупаю новые перчатки и еду. Франция выглядит довольно цивилизованно и приглаженно. Какую-то часть пути меня подвозит на машине парочка баптистов средних лет, я не упускаю случая рассказать им о том, куда и зачем иду, хотя знаю ничтожно мало. Я уже не так высоко в горах. Вокруг золотая осень, светит солнце. Тропа проходит через красивые средневековые городки, скалы, поля. Ангелы смотрят на меня и улыба-

ются с нефов старинных церквей. В Талларе, в туристическом центре мне предлагают поставить какой-то штамп. Я не очень понимаю, о чем идет речь, но протягиваю свой молескин и получаю первый в своей жизни штамп в виде значка пилигрима с посохом и сумой.

Сбиваюсь с пути, оказываюсь в агрокультурных зонах, огороженных и однообразных. Приходится ловить попутку. Останавливается старенькое рено 70-х годов, за рулем эмоциональная, искренняя француженка средних лет. Она подвозит меня до Систерона. Я иду в аптеку, мне нужны пластыри. Сажусь в кафе на улице с чашкой кофе и клею пластыри на мозоли. Вдруг вижу бегущую ко мне с ковриком француженку, которая подвозила меня. «Мадам, мадам, вы забыли!» – кричит она, запыхавшись, и улыбается... Она не поленилась вернуться, чтобы отдать мне старый потрепанный коврик, который я забыла в ее машине на заднем сиденье. И как она только нашла меня!? Ведь я вышла в нескольких сотнях метров отсюда. У меня нет слов. «Вы святая женщина. И волшебница! Этот коврик так важен для меня. Спасибо!» Поднимаюсь в цитадель, планирую провести там ночь. Ужинаю бутылкой Божоле и салями. Наутро мне становится плохо, силы покидают меня. Суставы ноют, поднимается температура. Я решаю спускаться с гор к теплому морю.

Оставляю в цитадели свой посох. Прощаюсь с горами. Они проросли в моем сердце. Я вернусь, я обязательно вернусь, чтобы закончить. С гор спускаюсь на автобусах, все ниже и ниже, к морю. Мне грустно. Похожее чувство я испытывала когда-то в Малайзии, после того как провела почти неделю без денег в Камеронских высотах, бегая на пустой желудок по джунглям, и когда я уезжала, у меня было чувство, будто я прощалась с очень близким мне человеком.

Вот и Марсель. У меня поднимается высокая температура, понос, пищу принимать я не могу. Всею виной, наверное, салями на пустой желудок. Или божоле. Провожу три ночи в бреду в дешевой гостинице мусульманского квартала. Обшарпанная комната. Ставни. Вид на площадь с каруселями. На третий день я воскресаю, иду гулять по Марселю. Деньги заканчиваются. Неожиданно оказываюсь перед домом святого Иакова, моего нового друга и покровителя. Стучусь в дверь, мне открывает Жаки, глава ассоциации пилигримов Прованса. Я объясняю ему, где я была, и что меня привело сюда, причем абсолютно случайно. «Не проблема, вы можете остаться здесь. Пойдемте пить чай в галерею моей подруги, это недалеко».

Я получаю прекрасную комнату с кожаной мебелью, картинами, телевизором и видом на старый порт. Мне дают паспорт пилигрима и снаряжают дальше в путь, хотя и всячески отговаривают идти. «Сейчас холодно, дожди, куда ты пойдешь?» – говорит Жаки. Но я рвусь в бой. Оказывается, в паспорт пилигрима ставят штампы тех городов, которые проходишь. Они же дают возможность ночевки и иногда бесплатного ужина.

От Арля начинается Тулузский Путь в Сантьяго. Но у меня температура, болят колени, тело обессилено... Я играю джаз на пианино Kawai в галерее подруги Жаки, парижской художницы вьетнамского происхождения по имени Мин. Меня снимают на камеру, кормят, лечат. Жаки оказывается профессиональным фотографом, мы гуляем под дождем по Марселю, и Жаки снимает нас на камеру. Милый мохнатый терьер Паки и старый кот – еще одни обитатели дома. Неделю я отлеживаюсь, отъедаюсь, гуляю вдоль теплого моря. В доме Святого Иакова кладезь информации о всех существующих камино, коллекция маленьких католических статуэток, изображающих пилигримов, тамплиеров, святых, проповедников. Собрана огромная библиотека, в основном на французском языке об истории Chemin de Saint Jacques, о древних городках на путях пилигримов, о памятниках архитектуры. Я знакомлюсь с культурой паломничества в Компостеллу, проникаюсь ею, и то, что было в прошлом, вдруг предстает совсем в ином свете: как будто все вело меня сюда, в этот дом святого Иакова, откуда началась моя история пилигрима.

Сейчас, спустя почти пять лет, дома Иакова в Марселе больше нет. Жаки, к сожалению, так и не справился с потерей первой молодой жены, которая умерла от рака через год после

их знакомства в Дороге: он спился, продал дом Святого Иакова, и теперь там африканский ресторан. Он вернулся на родину в Страсбург, и они окончательно разошлись с Мин. Мин впервые за свою жизнь побывала на родине, во Вьетнаме, и почувствовала свои корни. «Там все такие же, как я», – сказала мне она... «Поедем со мной работать с детьми во Вьетнам, от фонда Красный Дракон»...

Потом я возвращаюсь туда, где когда-то был дом. Милан-Таллин. «Я обязательно вернусь, чтобы закончить дорогу. Camino is in my heart». В Таллине я веду себя словно пират, сошедший на берег – я пускаюсь во все тяжкие, и после всего содеянного убегая по направлению к третьему Риму.

Небо Москвы. Следующая станция – Норманнская или Франкская? Быть может, следующая станция – «Хочу тебя обнять»? Нам светит компас неземной... Где я? Потеря ориентации. Lost and possibly found. Иногда так странно ненадолго вновь обрести свой московский дом. Тихая гавань, капитан. Рядом с домом – библиотека им. Гумилева. Мой волоокий рыцарь. Моя муза дальних дорог.

*Млечный Путь над головой —
Вечное сиянье,
Разум мирозданья,
Молчанье и покой.*

По Французскому Пути

Я изгоняю демонов, успевших обосноваться в моем старом московском доме, нахожу новых жильцов, они делают ремонт, все становится белым, как снег конца февраля. В первый день весны, в день рождения моей любимой бабушки, я ставлю свечку за упокой и покидаю Москву. В книге придворной японской поэтессы Сей-Сенагон написано, что в четвертую луну надо менять направление пути и останавливаться в чужом доме, чтобы запутать следы. Да, мне надо запутать следы, иначе стая волков с отравленной, капающей изо рта слюной настигнет меня.

Итак, меняю направление, путаю следы, по пьяни ломаю ключицу, за окном минус двадцать, но птицы уже щебечут – первая неделя марта. Стоп-кадр. Меня окружают дети, лысая кошка, вчера было Прощеное воскресенье. Бывает, что слово «прости» теряет свою свежесть и актуальность. Становится заезженным, но все равно у меня получается выдавить из себя несколько галлонов приправленных правдой и горечью этих самых «прости», которые звучат все еще свежо, и оказывается, что это кому-то нужно! Тишина Поста. День первый. Иногда лучше оставаться на месте. Иногда лучше молчать. Язык божий – селентум.

Я неспешно набираюсь сил, организм справляется с травмой, рука все еще болит, торчит кость. Это все же не перелом, а разрыв связки. Вот так, запутала следы.

Морозный, ветреный, и немного скверный конец марта. И никого – зависли в ожидании причины и конца... А потом соборование, Благовещение – и я не гнушаюсь икрой, шампанским с утра и легким похмельем. Вечером у меня поезд. В конце мая – самолет в отправной пункт Дороги Святого Иакова.

Я вернулась в Таллин в начале весны. Мне надо было снять большую квартиру для знакомой британской журналистки, которая собиралась провести в Эстонии ближайшие четыре месяца. Мне же самой было временно негде жить, поэтому я ночевала в просторной мастерской своей подруги художницы. Маленький диван, детский спальник, огромная белая комната с картинами, пропахшая краской, дом на развилке дорог, недалеко от трамвайных путей и цветочного магазина, на месте которого когда-то было подворье Пюхтицкого монастыря, взорванного в хрущевские времена.

...Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется. На могилах мнимых праведников заведутся черви, и на безымянных могилах на обочинах пыльных дорог запоют ангелы.

Когда мы успели потерять свою невинность? А мне все снится и снится дом детства, и слезы текут ручьями... Змея недалеко от могилы отца неожиданно выползает из-под ног, пригретая теплым весенним солнцем, она была потревожена моими шагами. Тень ворона над головой очерчивает круг.

«Итак, сыны свободны!»

– Что принесешь ты мне, дорога?

– Всю квинтэссенцию пережитого, лучшее, что было, соберется в одно и смело пустит корни, и зацветет, и заиграет всеми красками на солнце.

Любовь вбирает в себя все, белый цвет – вбирает все цвета.

Любовь, белая птица, летит к началу пути.

Приближался неминуемо день отъезда, дорога начинала звать с неумной силой и проверяла на прочность мои паруса. Корабли гудели в порту, нервы как будто кто-то щекотал, впервые мне было немного страшно. Это как собирать внутренние силы и волю для прыжка – сосредоточенного, немного безумного, прыжка в туман, в неизвестность, с едущего поезда.

Больше ничего не связывало меня с этим миром, все «прости» смыло слезами и весенним дождем, нить Ариадны, эльфийская кольчуга, Артос, живая вода, кто-то где-то, но это не так важно... Кто-то – это не так важно. Как будто проверка на прочность, игра с мыслеформами, предателями и трусами, говорящими мне: «Не надо, это опасно, принеси Богу что-то другое, свой труд, дела милосердия, свое сердце» – Сакре-Кёр. Вдруг выползает мой маленький мещанский испуганный душок и пищит что-то невнятное. «Где бы вы ни были, вам не убежать от себя».

Все же, несмотря на страх, я покинула Ревель в день памяти Св. Брендона, покровителя путешественников. Испив все бокалы, промотав деньги и время, отпустив птицу детства, я вступила на Дорогу и под покровительство Св. апостола Иакова. В Байонне лил дождь, и было холоднее, чем на родной Балтике. Меня окружали группы японских и корейских пилигримов, одиночные и парные европейские и американские вело – и пешие паломники, а также люди разных возрастов в синих куртках, проводившие анкетирование. Поезд до Сен-Жана был забит до отказа, это не входило в мои планы, но, видимо, это входило в планы Бога живого.

В отправной точке Камино Франсе, Сен Жан Пье де По, тоже лил дождь. Основной Путь через Пиринеи был закрыт из-за плохих погодных условий и из-за того, что несколько дней назад там, в горах, из-за плохой видимости и холода насмерть замерз австралийский пилигрим. Но это не остановило меня и парочку других безумцев от следования Пути.

День первый

В Пиринеях ураганный ветер, хлещет дождь, нулевая видимость из-за тумана, ветра и дождя, и почти что нулевая температура. Невыносимо холодно, все насквозь мокрое, грязное, дождевик не спасает, ноги хлюпают, главное, не останавливаться, чтобы не замерзнуть и не подхватить воспаление легких. Сильнее всего мерзнут руки, лицо, шея, я добираюсь до вершины, нахожу каменную хижину, она немного протекает, но все-таки в ней не так льет, как на улице. Варю кофе, пытаюсь сушить вещи над примусом. Обвязываю ноги пакетами, надеваю пакет на голову и снова в Путь, на спуске иду по грязному потоку по колено в воде, листьях и жиже. Иду напролом, прохожу мимо двух мирно беседующих о чем-то французов, они, в отличие от меня, хорошо экипированы, и им не так холодно и мокро, как мне. Последний час – самый тяжелый, болят ноги, отсыревшие, замерзшие, ноют суставы. Дохожу до Ронсесвалля, это уже Наварра, Ола Испания. Из-за холода, усталости и изможденности я забываю про знаменитую битву Карла Великого и Роланда с мятежными басками в ронсесвальском ущелье. В огромном альберге для пилигримов, расположившимся в здании древнего францисканского монастыря, все содержимое рюкзака приходится постирать и высушить в центрифуге, позже в ближайшем баре профилактика – сто грамм анисового ликера. О, совпадение, моими соседями по купе оказываются те самые итальянцы, которые тоже прошли через перевал. Они дарят мне беруши. В 10 часов альберг погружается в темноту, и начинается симфония храпа. Я втыкаю беруши и моментально погружаюсь в сон. Наутро около 6 часов нас будят молитвой, песней пилигрима. Моя обувь все еще сырая. Я обматываю ноги газетами и пакетами и впихиваю их в трекинговые ботинки. Те самые, подрезанные в Альпах в ноябре в трейлере. Последующие пять дней дождь продолжает идти с переменным постоянством. Пилигримы, идущие в одном темпе – внешнем и внутреннем, начинают кучковаться в группы. Дорога сводит людей... Я знакомлюсь с итальянцами, корейцами и американцами, в основном из Калифорнии, с которыми мы постоянно вместе в последующие две недели.

Господи, если бы я смогла прожить свою жизнь заново, пройти Камино еще раз, совершала бы я те же ошибки, наступала бы на те же грабли, падала бы в те же ямы? Залипала бы на старые, заезженные схемы отношений, привычек, несвобод? Странно, в дороге вылезает все то, что беспокоит в жизни – страсти, эгоизм, хочется быть на дороге одной, хочется быть

супергероем, а вокруг такие же люди, и они делают то же самое – и они часто предлагают мне помощь, мы не конкуренты, мы в одной упряжке. Когда я стану суперменом и улечу в пределы ойкумены... и перестану выдавливать мозоли на кровать?..

Каждая микрочастица растянувшейся вереницы пилигримов с рюкзаками из трехсот душ, напоминающей с высоты птичьего полета муравьиную каравеллу, идет своим путем. Светящаяся дорога дала всем равные шансы, но на выходе у каждого получится что-то особенное, неповторимое, важное только лично для него. Вера, открытость, готовность к переменам, степень преодоления и страдания, выявление проблемных зон, встречи с людьми и возможности меняться вместе с ними, взаимопомощь, социальность и одиночество с Богом. Все здесь на Пути в полноте, изначальной простоте и правде.

Мы шли по обнаженному нерву светящейся камино, этому государству, являющемуся частью земли обетованной, этакой прорези истины, неподвластной времени. Мириады древних паломнических путей образуют нервную систему дорог, соединяющих важные духовные центры старушки Европы. И я верю, что эти дороги способны возратить потерянное величие, благородство и веру закатившейся Европе, эти дороги – как сокрытая возможность нового возрождения, возможность поиска истины и обретения веры и свободы. Да, для многих «Бог умер», но что-то заставляет людей оставлять свои теплые удобные дома и квартиры, уместить свою жизнь в рюкзак весом 10 кг и пускаться в тяжелую, но невероятно прекрасную авантюру, чтобы снова обрести себя и увидеть Сантьяго.

Через неделю, когда ноги ноют, и все тело отказывается продолжать двигаться, наступает момент, когда задаешься вопросом: «А зачем я вообще это все делаю? Зачем я встаю в шесть утра, одеваю на плечи тяжелый рюкзак, на израненные мозолями ноги натягиваю мокрые трекинговые ботинки, иду двадцать пять-тридцать километров, что я вообще на фиг делаю и зачем?» Так вот, надо себя пересилить и идти дальше, несмотря ни на что.

Дорога соединяла что-то на века, желания исполнялись, удесятерялись. Колокольным перезвоном звучало *Vien Camino*. Птицы пели пилигриму, красные маки склоняли в почтении голову, золотились поля пшеницы – все цвело, все пело, все танцевало. И меня волновал один вопрос. Когда я приду к заветной долгожданной цели, к мощам апостола Иакова в Сантьяго – не будет больше ракушек, желтых стрелок, указывающих путь, я не буду идти на запад вдоль Млечного Пути, не будет звучать перезвоном буэн камино. Так вот, когда я сойду с камино, сойду ли я? Будет ли утеряно направление, тот четкий линейный вектор, эта горящая любовью обнаженная суть дороги, которая старше десяти веков, будет ли во мне говорить тот древний пилигрим, вселившийся в меня еще в Альпах, будет ли пронзать мое сердце меч ордена Сантьяго? Насколько хватит этого чуда? И увидимся ли мы с нашими попутчиками – в реальности дороги или в обыденной жизни, которая никогда уже не будет прежней.

Сидя в тени вишневого дерева с неспелыми плодами, попивая виноградную лозу, пережидая полуденный зной, я думала о прощении. Пилигрим – всегда прощен. Ему нечего терять. В дороге мы прощены. Навеки прощены. В реальности падающих звезд кто нас осудит? В дороге – либо воскресенье либо безвременье.

Камино – и вышел потаенный шлак. Когда-нибудь мы ворвемся в царство леса, в древние холмы, как короли из поднебесной, и птицы полетят нам навстречу, и деревья будут танцевать, и будет все наполнено любовью навсегда.

Разматывается клубок километров, разматывается клубок пройденных дорог. Я молю об обретении свободы, о возможности делать выбор, остается двадцать пять километров до восхода нового дня, когда с холма счастья я увижу полыхающий в огне любви город. Восходящее солнце лизнуло и обожгло, полетели птицы, потекли слезы, начался новый день во всей первозданной красе и полноте, проливая свет на обнаженную правду жизни. Только сейчас. И спала шелуха, нам больше не солгать.

Ничего про запас – это и есть нестяжание. Сейчас есть хлеб, и слава богу.

В дороге можно сбиться с пути. Думаю о возможных дорогах в будущем. Кто знает, может, иногда стоит вернуться... И это не всегда значит – проиграть. Иду вдоль линии дождя, камино – пограничный путь, дорога разделяет тучи и чистое небо. Ветер. И где-то на земле уготован для меня приют.

Чем ближе к Сантьяго – тем громче вопиют камни – высеченные кресты, немного наивные, детские статуи ангелов, Богородицы, апостола Иакова. С какой-то трогательностью, незащищенностью, радостью они взирают на меня, и им не все равно.

На самом деле мы все молчали о победе.

А впереди ждал меня Иерусалим, где спустя три месяца я лобызала главу Святого апостола Иакова в Армянском квартале старого Иерусалима. Два с половиной месяца я ступала по святой земле, шла пешком в Вифлеем, была там на Рождество Христово, пересекла всю Палестину, поднималась на Фавор, купалась в Иордане в крещенский сочельник. Старый греческий монах молился за мою любимую бабушку, и мне приснилось, как ее выносят на руках из темного подземелья и почувствовала запах ее ног. В Иерусалиме же произошла довольно роковая встреча, повлекшая за собой неумную страсть длиной в год. Чтобы освободиться от этой страсти, мне пришлось поехать в Париж. Многие приезжают в Париж, чтобы влюбиться. Я же поехала в Париж, чтобы разлюбить.

Отныне мы рыцари дорог,
Нас охраняет ветер,
и каждый шаг нам светит,
Как новый небосвод.
Нам вторит ветер,
И иногда как будто не попад
Мы попадаем в сети старых лап,
Когтистых лап.
Потом мы оклеветаны,
Разбиты, преданы забвенью —
Свобода дорогой ценой.
Мы рыцари дорог,
Нам тайно светит
Наш компас неземной.

Camino Continious

После почти восьмисот километров французского Пути и месяца, проведенного в дороге, я поклонилась Сантьяго в крипте собора, обняла его статую, и в тот же день немного поспешно за компанию со своими постоянными попутчиками последней недели американским фотографом Брайаном и пухлой британкой Изабель, покинула Сантьяго по направлению к Финистерре, где заканчивалась земля, и солнце садилось в океан. Нам просто очень не хотелось верить, что камино завершено... Было непонятно, как жить дальше. И мы пошли. А потом мы решили с Изабель пройти часть Португальского камино в обратную сторону. Это было трудно, указателей видно не было. Да, стоило наверное просто смириться с тем, что камино завершено. Пока что. Потом мы на попутках добрались до Порто, где встретились с друзьями пилигримами. И поехали на автобусе в Лиссабон, где в Альфаме на меня взирал лев, похожий на льва святого Марка в Венеции.

А потом, потом я благополучно опоздала на самолет из Жироны. Я потратила все деньги, почему-то будучи уверенной, что смогу без денег и вовремя добраться до Жироны. Но Дорога решила не отпускать меня, или просто я, несмотря на предельную усталость после пройденных 900 км, очень не хотела, чтобы дорога заканчивалась. Итак, в автобус до аэропорта без билета меня не пустили, чуда, как мне казалось, не произошло. После опоздания на самолет я переночевала на пляже Барселонеты, меня разбудили вежливые, улыбающиеся полицейские. «Здесь нельзя спать». И я уныло побрела по пляжу. О рюкзаке постукивала ракушка Сантьяго. Вдруг меня догнала женщина. «Вы пилигрим?». «Да, я только вот прошла французский путь и опоздала на самолет. У меня вообще нет денег.» «Вы можете переночевать у меня пару ночей. Заодно расскажете, какую экипировку лучше выбрать, поделитесь опытом». У этой дамы была квартира прямо у бульвара Лас Рамблас. Она жила уже много лет в Австралии, и приезжала в Барселону на лето. Не могу сказать, что человек она была приятный, но с другой стороны она сделала все, что могла для пилигрима, попавшего в беду, и на том огромное ей спасибо. И дала мне еще 10 евро в придачу, чтобы я не умерла с голоду. День ото дня мне должны были прислать финансовую помощь из Москвы, а пока, с десятью евро в кармане, я решила не унывать и пойти Каталонское камино из Барселоны. Вернее, из Монтсеррат. Я просто влюбилась в Богородицу Монтсеррат и в «Богом зданные» горы, напоминающие греческие Метеоры. Теперь я думаю, что мое опоздание на самолет было не случайным. Мне просто надо было встретиться с Черной Мадонной...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.